

21.2.41
5195

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

БОЛОТИНА Марина Александровна

ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ
(на материале современного английского языка)

Специальность 10.02.04 – германские языки

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск – 1993

Работа выполнена в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков.

- Научный руководитель - кандидат филологических наук,
доцент Д.Г.БОГУШЕВИЧ
- Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор Г.Г.СИЛЬНИЦКИЙ
- кандидат филологических наук,
доцент Т.С.ХАРИТОНОВА
- Ведущая организация - Академия наук Республики
Беларусь, кафедра иностранных
языков

Защита состоится "23" февраля 1993г. в 14 часов
на заседании специализированного совета Д.056.06.01 по
присуждению ученой степени доктора филологических наук при
Минском государственном педагогическом институте иностранных
языков по адресу: 220662, г.Минск, ул.Захарова, 21.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Минского
государственного педагогического института иностранных
языков.

Автореферат разослан "19" января 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

С.А.ИСТОМИН

Реферлируемая диссертация посвящена изучению условий реализации видов модальности (М) в высказываниях с модальными глаголами (МГ) и решению проблемы снятия неоднозначности таких высказываний.

Вопросы, связанные с модальностью, относятся к числу сложнейших лингвистических проблем, которые на каждом новом этапе развития науки о языке не только не теряют своей актуальности, но открываются для исследователя в новых аспектах своей проблематики. Это связано как с особенностями самой категории М, так и с динамикой лингвистической науки. Со сменой направлений и парадигм в лингвистике меняется и подход к модальности: от таксономической модели описания к функционально прагматической с подключением аппарата логики, теории речевых актов, когнитивной лингвистики. В результате, различные аспекты проблемы М устойчиво сохраняются как признанный предмет дискуссий¹.

Модальность, являющаяся понятийной категорией /Мещанинов 1978/, выражается через комплекс актуализационных категорий и лексико-грамматических средств и играет существенную роль в отнесении высказывания конкретному субъекту речи в определенной ситуации и, тем самым, включению данного высказывания в процесс коммуникации. Осуществляя коммуникативное намерение, говорящий перерабатывает объективно существующую экстралингвистическую ситуацию и передает собеседнику свою интерпретацию этой ситуации: будучи объективной по природе, информация может храниться и передаваться только в субъективной форме.

Если принять в качестве первостепенной языковедческой проблемы на сегодняшний день установление связи между говорящим и содержанием высказывания для адекватной интерпрета-

¹ См., напр., сборники: Функциональная семантика: пропозициональные структуры и модальность 1988; Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности 1990; On modality: Papers from meeting and discussions in the Linguistic Circle of Copenhagen 1989; см. также монографии: Агаева 1991; Беляева 1985; Корди 1988; Милосердова 1991; Немец 1991; Теория функциональной грамматики 1990; Palmer 1986 и др.

ции и уточнения модели общения /Городецкий 1990; Звегинцев 1990; Петров 1988/, подтвердить связь значения, субъективности и коммуникативной функции /Бенвенист 1974/, если согласиться с предложением "определить исследование языка как исследование категорий, выражаемых в языке" /Лабов 1983/, а также учесть "открытость" проблемы модальности по многим аспектам, актуальность исследования очевидна.

Цель настоящей работы состоит в определении влияния и установлении взаимосвязи различных формальных, семантических, коммуникативных факторов и реализации модального значения высказываний, содержащих МГ. Одной из основных проблем, концентрирующей различные вопросы, касающиеся семантики МГ, является разрешение неоднозначности предложений с модальными глаголами, возникающей вследствие введения значения внешней модальной рамки в состав сказуемого.

Конкретные задачи, решаемые в ходе исследования, подчинены общей цели, а также обусловлены особенностями изучаемого объекта.

В определении субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания существенно несколько как формальных, так и семантических аспектов: просодия, актуальное членение, иллокутивная направленность, референция, способ залогового представления и другие. Модальность, хотя и пересекается с указанными явлениями, охватывает определенную область субъективных значений, по-разному трактуемых в лингвистике.

Поэтому, первая задача исследования связана с дифференциацией модальных значений, формирующих семантику языковой категории М. Достижение цели работы предполагает также решение следующих задач:

- установление общей модели актуализации высказываний с МГ;
- выявление взаимодействия модальности, контролируемой, иллокутивной направленности и пропозициональной установки (ПУ);
- рассмотрение контекстуальных условий реализации конкретного ЛСВ модальной лексемы;
- анализ закономерностей употребления МГ в различных контекстах.

Выбор поставленных задач определяет новизну исследования, которая определяется, кроме того, и тем, что изучение проблемы ведется на стыке синтаксиса с логикой, семантики с теорией общения: в результате – расширены рамки применения понятия контролируемости, а выявленные актуализирующие характеристики коммуникативного контекста получили логико-лингвистическое обоснование.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в дальнейшей разработке проблемы речевой реализации категории модальности, расширении области применения понятия контролируемости, в выявлении системного соотношения видов модальности и условий их актуализации.

Практическое значение работы заключается в том, что материалы диссертации могут найти применение в лекционных курсах по теоретической грамматике и общему языкознанию и практике преподавания английского языка, при подготовке учебных грамматических пособий, в практике перевода, а также использоваться при создании алгоритма, осуществляющего распознавание значений МГ.

Объектом анализа являются утвердительные высказывания, или РА, содержащие МГ (can, could, may, might, will, would, shall, should, must, ought to) в настоящем времени индикатива.

Материалом анализа послужила выборка (около 4000 микроконтекстов) из произведений современной англоязычной прозы, а также текстов морских лоций и правил, представляющих официальный тип общения с заданной прагматической направленностью.

Необходимо отметить правомерность использования диалогических отрывков литературных произведений в качестве модели устного общения: в художественной литературе экстралингвистическая ситуация общения воссоздается авторской речью, в то время, как само общение манифестируется в диалогических репликах, имеющих все характеристики устной речи. Художественный диалог моделирует реальное общение, поскольку в его основе так же, как и в основе реального диалога, лежит единый опыт человеческого общения и действуют речевые

постулаты /см. Лагутин 1990; Макаров 1990/.

В соответствии с гипотетико-дедуктивным методом /см., напр., Сильницкий 1989/, применяемым в работе, исследовательская процедура включает два основных этапа - 1) формулировка объяснительной гипотезы; 2) ее эмпирическая проверка и уточнение, в ходе которых используются следующие методы анализа: метод экспликаций, трансформационный метод, логико-семантическое моделирование и компонентный анализ.

Теоретической базой диссертации послужили работы в области синтаксической и функциональной семантики /Е.И.Белыевой, А.В.Бондарко, В.Г.Гака, А.Вежицкой, В.Б.Касевича, Г.Г.Сильницкого, Д.Болинджера, Дж.Лайонза, Дж.Лича, Ф.Р.Палмера, У.Л.Чейфа и др./, логического анализа языка /Н.Д.Арутюновой, Анны А.Зализняк, Е.В.Падучевой, Т.В.Булыгиной, И.Б.Шатуновского, Н.К.Рябцевой, В.В.Петрова, Э.Вендлера, Дж.Лакоффа, Ч.Филлмора и др./, теории общения /И.П.Сусова, О.Г.Почепцова, Г.П.Грайса, Р.Конрада, Дж.Л.Остина, Дж.Р.Серля и др./.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Общий признак категории модальности - отношение говорящего к содержанию высказывания, реализующийся при осуществлении иллокутивного и пропозиционального актов, дает основание определить семантический объем М как единство трех видов значений - предикативного, эпистемического, волеизъявительного.

2. Каждый из видов М предполагает свой способ детерминированности потенциальной ситуации, обозначаемой модальным высказыванием, посредством распределения каузирующих факторов, названных в терминах "контролируемости". При этом необходимо разграничение двух видов контролируемости: 1) обусловленность ситуации свойствами субъекта либо объективными внешними факторами - ситуативный контроль (Кс); 2) обусловленность волеизъявлением говорящего - коммуникативный контроль (Кк).

3. Снятие полисемии высказываний с МГ проходит в два этапа: 1 - идентификация иллокуции (в рамках оппозиции директив/репрезентатив); 2 - выявление эпистемической ПУ (в рамках оппозиции констатив/суппозитив). Волеизъявительные

значения актуализируются при наличии контроля со стороны говорящего и ситуативного контроля как условия уместности императива (+Кк, +Кс); предикативные – при отсутствии волеизъявления говорящего и наличии ситуативного контроля (-Кк, +Кс); эпистемические – при отсутствии как директивной иллюзии, так и ситуативных детерминирующих факторов (-Кк, -Кс).

4. Актуализирующие признаки для каждого значения МГ образуют систему условий, охватывающую парадигматические и функционально-семантические характеристики языковых единиц.

5. В силу категориального значения "потенциальности действия" не только конкретные значения МГ, но и семантический инвариант коррелирует с признаком контролируемости. Спецификация МГ относительно источника каузации определяет особенности его функционирования при реализации одного из трех видов модальности.

Основные положения диссертации прошли апробацию в виде докладов и сообщений: на конференции МГПИИЯ по итогам научно-исследовательской работы (1990, г. Минск), на совещании-семинаре "Прагматические и семантические параметры высказывания" (1991, г. Минск), на совещании по проблемам прагматики (1991, г. Воронеж), на научной конференции "Философия. Язык. Культура" (1991, г. Минск), на межведомственной научно-теоретической конференции "Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм" (1992, г. Сочи), на конференциях – "Функциональный подход в теоретическом и прикладном языкознании" (1992, г. Минск), "Лингвистический знак как когнитивное и культурогенное образование" (1992, г. Самарканд), "Беларуская мова сярод еўрапейскага" (1992, г. Минск); в шести публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников примеров.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель, задачи и методы исследования, отмечается новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе "Виды модальности и семантическая струк-

тура модальных глаголов" рассматривается современное состояние вопроса модальности, анализируются основные понятия, используемые в работе, уточняется объем языковой категории модальности и семантическая структура МГ, описывается методика выявления модальных значений, а также формулируется объяснительная гипотеза.

Вторая глава "Понятие контролируемости и разновидности контроля" посвящена разработке понятия контролируемости в связи с выдвинутым положением о релевантности указанного признака для идентификации видов М.

В третьей главе "Контекстуальные условия реализации видов модальности" проводится анализ контекстуальных условий, актуализирующих значение МГ с учетом параметров как конструктивно-синтаксического, так и прагматического контекста, и, таким образом, проводится эмпирическая проверка гипотезы. Кроме того, уточняется инвариантная семантика модальных глаголов, выявляются особенности реализации конкретных значений.

В заключении приводятся выводы обобщающего характера и результаты исследования, намечаются возможные перспективы дальнейшей работы по затронутой проблематике.

Список использованной литературы включает 370 наименований (в том числе 87 на иностранных языках), список источников примеров – 30 наименований.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Существование многочисленных точек зрения на категорию языковой модальности¹ и тенденция к ее расширительному толкованию привели к тому, что в практике лингвистических исследований границы употребления термина "модальность" утратили свою определенность. В связи с этим возникает необходимость конкретизации содержания исследуемого понятия.

Традиционное противопоставление объективной М (значение реальности/нереальности) и субъективной М (значение досто-

¹ Обзоры работ, посвященных М, см., напр.: Беляева 1985; Зверева 1983; Корди 1988; Красненкова 1987; Макарова 1989; Немец 1991; Coates 1983; Palmer 1979; Wierzbicka 1987/.

верности) дает повод для смешения объективности/субъективности самого факта (модальность в онтологическом смысле) и реальности его фиксации в языке /Немец 1989; Степанов 1981/. Модальность – это целостная объективно-субъективная категория: объективная – с точки зрения грамматических средств языка, субъективная – как любое речевое высказывание, свободно творимое говорящим.

При определении объема и характера модальных значений мы исходим из двух принципиальных положений:

1) общий семантический признак модальных значений – отношение говорящего к действительности – представляет собой либо оценку предмета сообщения, либо активную деятельность, направленную на адресат /Лазарев 1986/;

2) необходимым условием адекватной трактовки модальности как единицы коммуникативного уровня является ее изучение в составе речевого акта (РА), что предполагает соотношение модальных значений с реализацией иллокутивного и пропозиционального актов, осуществляемых говорящим в ходе высказывания¹.

В связи с этим, объем содержания М определяется: 1) оценкой характера связи между объектом действительности и приписываемым ему в акте предикации признаком с точки зрения способа ее существования – предикативная М; 2) оценкой достоверности сообщаемого в зависимости от степени познания действительных отношений между объектом и признаком – эпистемическая М; 3) выражением волеизъявления говорящего, направленного на осуществление связи между объектом и признаком – волеизъявительная М. Последний вид модальности, коррелирующий с воздействующей стороной языковых знаков, имеет непосредственную установку на адресат и в наибольшей степени чувствителен к параметрам коммуникативной ситуации.

Семантический аспект модальности имеет две взаимосвязанные стороны: 1) выделение собственно модальных значений и 2) связь этих значений с частями высказывания – пропозици-

¹ Если под "элементарной единицей общения" понимать речевой акт /Кобозева 1986; Медведева 1989/ и в то же время считать высказывание "минимальной коммуникативной единицей общения" /Леонтьев 1979/, то обоснованным является употребление данных понятий в качестве тождественных.

цией и модальной рамкой¹ /Гак 1986/.

Выделенная нами предикативная М участвует в формировании пропозиции и входит в содержание внутренней модальной рамки, отражая через тип отношений между предикатом и его аргументами отношение между компонентами описываемой ситуации. Эпистемическая М и волеизъявительная М, служащие ядром внешней модальной рамки, устанавливают тип отношений между источником оценки – говорящим – и пропозицией в целом, выражая коммуникативное намерение и/или интеллектуальную оценку субъекта речи.

С позиции синтаксических особенностей организации высказывания внешняя модальная рамка, необходимо фигурирующая в семантическом представлении высказывания, либо присутствует в нем имплицитно, либо имеет вербальное выражение.

Первый случай, который квалифицируется как нерасчлененный модус, охватывает рассматриваемые в настоящем исследовании высказывания с МГ: модальная рамка в них реализуется в пределах субъектно-предикатной структуры.

Введение значения модальной рамки в состав сказуемого делает объективно возможным одно из важнейших явлений – многозначность одного и того же предложения. Экспликация смысла осуществляется посредством выведения внешней модальной рамки актуализированного в контексте предложения на поверхностный уровень с помощью предикатов пропозициональной установки с семантикой мнения-предположения или глаголов речевой каузации в перформативном употреблении.

Как категория, присущая языку в действии, т.е. в речи /Гальперин 1981/ модальность участвует в актуализации предложения² и представляет собой центр всего круга актуализационных категорий /Теория функц. грамматики 1990/, реализуясь в

¹ Исходным пунктом при изучении М мы считаем положение о том, что в предложении-высказывании необходимо выделять пропозицию – предикатное ядро – и модальную рамку, включающую набор значений, связывающих пропозицию с говорящим.

² Актуализованному предложению (единице языка) приписывается статус единицы речи – высказывания /Бахтин 1986; Теория функц. грамматики 1987/. Последнее, в отличие от абстрактной модели (предложения), отражает конкретную внеязыковую ситуацию /Гак 1972/.

речи опосредованно через комплекс формально фиксированных и скрытых категорий, а также лексико-грамматических средств, важнейшим из которых являются модальные глаголы.

В отличие от других средств, предназначенных для выражения только одного из выделяемых аспектов М, модальные глаголы в современном английском языке представляют особый интерес, поскольку способны выражать каждый из трех видов М. Рассматриваемые в парадигме вершинных (главных) глаголов конструкций с предикатными актантами МГ обнаруживают как свойства диктальных глаголов, отражающих способ приписывания признака объекту действительности, так и модусных, а именно, эпистемических и иллокутивных. Каждый из указанных аспектов коррелирует с выделенными значениями М. Соответствующие наименования значений МГ – предикативные, эпистемические, волеизъявительные – относятся, строго говоря, к видам модальности, а по отношению к модальным единицам применяются условно, когда последние используются для выражения того или иного типа модальности.

В качестве диктальных глаголов МГ могут устанавливать отношения внутри пропозиции между предикатом в форме инфинитива и его субстанциональным актанта, выраженным подлежащим. Это "внутренняя" модальная рамка или значение предикативной М в нашей терминологии. Предложения, включающие МГ в данном значении, типа *John can run a mile; The longest day must have an end* можно представить в виде графа:

Особенностью предикативной М является изоморфизм между синтаксической и семантической валентностью МГ: модально-глагольная конструкция образует составной предикат, члены которого имеют взаимонаправленную равноценную валентность и открывают общую валентность на непредикатный актант (субъектный терм) в позиции подлежащего.

С другой стороны, как и глаголы пропозициональной установки, МГ могут формировать модально-коммуникативную рамку. В этом случае они устанавливают тип отношений между субъектом отношения или субъектом намерения (говорящим) и пропозицией в целом. Схематически предложения-высказывания, содержащие МГ в эпистемическом и волеизъявительном значении, типа

They must have gone; You can begin reading могут быть представлены в виде графа, показывающего, что МГ открывают валентность как на пропозицию, так и говорящего (имплицитная семантическая валентность на говорящего отмечена пунктиром):

Г   МГ   ПОДЛЕЖ.   ИНФИН.

Такие высказывания характеризуются асимметрией семантической и синтаксической структур.

Таким образом, при анализе МГ мы основываемся на изоморфности их семантической структуры и трехаспектной модальности: инвариантное ядро МГ реализуется в трех основных значениях, каждое из которых связано с определенным аспектом М (отношением говорящего) – предикативным, эпистемическим, волеизъявительным. В качестве базисных значений МГ в рамках системы М выделяются: 1) предикативные – фактическая необходимость и возможность; 2) эпистемические – градация признака достоверности (от сомнения до уверенного предположения); 3) волеизъявительные – императивная возможность и необходимость (приказ, разрешение, запрещение, просьба и т.п.). В то же время семантику всех возможных смыслов отдельной единицы объединяет концептуальная доминанта, или инвариантное значение, присущее каждому конкретному МГ, которое детерминирует особенности функционирования модальной единицы.

Категориальное значение МГ определяется тем, что они выражают отношение говорящего к сообщаемому. Ядро концептуальной семантики МГ составляют значения возможности и необходимости /Сильницкая 1971; Kiefer 1987; Palmer 1979/, образующие семантическое поле п о т е н ц и а л ь н о с т и¹.

Семантика МГ характеризуется неоднозначностью на уровне предложения и определяется за счет средств речевого контекста, реализуясь в конкретном высказывании, или РА. Актуализирующие параметры контекстов идентификации конкретного ЛСВ модального оператора (а точнее вида модального значения, выражаемого данным ЛСВ) дедуктивно исчисляемы.

¹ Вслед за А.В.Бондарко "потенциальность" трактуется нами как понятие, которое связывает ирреальное с реальным, и включается в сферу "реальности в широком смысле" /Теория функц. грамматики 1990/.

Во-первых, представление семантики потенциальности как концептуальной основы ситуаций возможности/необходимости, обозначаемых высказываниями с МГ, позволяет выдвинуть гипотезу о различных способах детерминированности потенциальной ситуации¹ посредством распределения каузирующих факторов, названных в терминах "контролируемости".

Во-вторых, поскольку во всяком высказывании (РА) различается по крайней мере три разных акта, осуществляемых говорящим – локутивный, пропорциональный (акт референции и акт предикации), иллокутивный /Серль 1986/, отношение субъекта речи выражается при реализации коммуникативного намерения, а также в способе референции и предикации. Основные условия актуализации конкретного значения связаны: 1) с противопоставлением директивной и информирующей иллокуции; 2) различием в референции пропозиционального содержания, обозначенным вслед за Е.В.Падучевой /Падучева 1986/ через противопоставление "ситуация vs факт", представляющего оппозицию "знания" и "мнения-предположения".

Высказывания, содержащие МГ, на денотативном уровне моделируют потенциальную ситуацию реальной действительности. Модальность характеризует степень актуальности, или фактичности, содержания высказывания путем сравнения ситуации, выражаемой конкретным предикатом, и ситуативного референта, т.е. реальной (в широком смысле, так как речь идет о потенциальности) действительности.

Предикативная М выражает идентичность актуального мира и ситуации, обозначаемой в высказывании, т.е. ее фактичность. Эпистемическая М отражает гипотетическую возможность реальной ситуации, а волеизъявительная М соотносится с побуждением, направленным от говорящего к субъекту-исполнителю с целью преобразования ирреального положения в реальное.

Любая потенциальная ситуация обусловлена некоторой детерминирующей ситуацией, которая включает в себе фактор, каузирующий осуществление связи объекта ситуации и его при-

¹ Потенциальность может быть сведена к более широкому понятию обусловленности, которое включает в себе фактор, каузирующий осуществление связи объекта и признака.

знака /Теория функц. грамматики 1990/. Совокупность факторов, являющихся основанием для осуществления потенциальной ситуации или детерминирующих ее фактическую возможность, мы определили как "Контроль".

Вводя понятие контролируемости в круг вопросов, связанных с модальностью, мы, прежде всего, сталкиваемся с его многоаспектностью и неоднородностью, или другими словами, проявлением данного признака на трех иерархических уровнях семантической структуры: лексическом (контролируемость действия), ситуативном (ситуативный контроль) и коммуникативном (коммуникативный контроль).

Признак контролируемости действия (Кд) в рамках автономной предикатной леммы характеризуется нестабильностью. Он охватывает две группы явлений: 1) возможность выполнения действия для субъекта и 2) агентивный характер семантического актанта в позиции подлежащего. Обе характеристики контекстно зависимы и актуализируются положительно либо отрицательно в зависимости от модели ситуации, воплощенной в высказывании.

Ситуативный контроль (Кс) объединяет факторы, детерминирующие осуществление связи "S $\leftrightarrow$ P". Эти факторы могут определяться как свойствами самого объекта действительности, так и объективными внешними условиями.

Сопоставляя признаки Кс и Кд, можно отметить, что если Кд, будучи элементом глагольной семантики, является потенциальным признаком, то Кс связан с денотативным уровнем и, как правило, фиксируется в высказывании или идентифицируется за счет средств коммуникативного контекста.

Тем не менее, в некоторых случаях, ввиду эллиптичности языковой коммуникации, могут возникать сложности при идентификации Кс, что ведет к совмещению модальных значений.

Коммуникативный контроль (Кк) непосредственно связан с побуждением и представляет волевою установку субъекта речи на преобразование адресатом ирреального "положения дел" в реальное. Сущность Кк определяется особенностями семантики императивной ситуации: 1) направленное волеизъявление "говорящий $\rightarrow$ адресат" обуславливает контролируемость ситуа-

ции со стороны автора высказывания; 2) релевантность внешней каузации детерминируется определенными прагматическими факторами, обеспечивающими адекватность императивной интенции, и связана с возможностью изменения ситуации в соответствии с намерением субъекта побуждения.

В качестве объяснительной гипотезы решения проблемы дифференциации видов модальности, выражаемых МГ, принимается положение о маркированности основных модальных значений признаком контролируемости, а именно, наличием/отсутствием ситуативного и коммуникативного контроля.

Детерминирующий фактор, определяющий реализацию связи " $S \rightarrow P$ ", может: а) содержаться в данной ситуации, которая в этом случае характеризуется признаком "+Kc"; б) отсутствовать - "-Kc"; в) находиться за пределами потенциальной ситуации, при условии внешней каузации, что соотносится с положительной манифестацией коммуникативного контроля - "+Kk".

Kc является показателем фактичности потенциальной ситуации (т.е. объективной возможности или необходимости связи " $S \rightarrow P$ ") и позволяет осуществить референцию к ситуации реальной действительности, поскольку предполагает знание говорящего о наличии условий, каузирующих осуществление связи объекта предметной ситуации и его признака. Фактивность, входящая в семантику пропозициональной установки "знаю", обеспечивается референцией к денотативной ситуации, сам экспликат фактивности становится избыточным /Падучева 1986/. В результате, актуализируется значение предикативной модальности.

Отсутствие Kc или "незнание" о нем автора высказывания приводит к тому, что референции к ситуации не происходит: пропозиция не освобождается от обрамляющих ее пропозициональных установок (предполагаю/допускаю) и будет соотноситься лишь с "фактом - возможностью" /Зализняк 1990; Падучева 1986/. Актуальность (фактичность) потенциальной ситуации, таким образом, исключается; реализуется эпистемическая модальность.

Если же говорящий является каузатором связи " $S \rightarrow P$ ", а значит высказывание характеризуется признаком Kk, создается контекст идентификации волеизъявительного модального значения.

ситуативный контроль со стороны субъекта-исполнителя, является условием уместности императива) – волеизъявительная М. Возможная конъюнкция "+Кк, -Кс" элиминируется условием уместности императива.

Указанным актуализирующим признакам, отражающим способ детерминированности потенциальной ситуации, соответствуют определенные условия реализации конкретного вида модальности. Рассмотрим эти условия, а также особенности функционирования модальных глаголов в рамках каждого из видов М.

Предикативная М. МГ в предикативном значении выражают оценку говорящим способа существования связи между объектом действительности и приписываемым ему в акте предикации признаком и определяется характером субъективных отношений. Семантика предикативной М определяет грамматические особенности МГ в указанном значении, выступающие в качестве формальных характеристик контекстов идентификации предикативного значения. Это использование модальных лексем в прошедшем времени и сочетаемость с простой формой инфинитива, наличие вопросительной и отрицательной форм¹. Ситуация, формируемая модальным сказуемым, принадлежит к разряду потенциальных и реализуется в двух разновидностях: ситуации возможности и ситуации необходимости.

Значение предикативной (объективной, фактической) возможности и необходимости передается посредством модальных глаголов *can, may*, которые закреплены соответственно за семантикой "внутренней" и "внешней" возможности /Bolinger 1989/, и *must, should, ought to* – с семантикой необходимости. Из них выделим *can* и *must* как прагматически нейтральные, поскольку в их семантике не имплицитруется иллокутивная предназначенность, и как средства, наиболее явно и четко выражающие указанную семантику. Причем, глагол *can* оказывается в определенной степени "самодостаточным" для выражения предикативной возможности, так как включает в свою лексему понятие контролируемости, или внутренней обусловленности ситуации.

¹ Именно вопрос и негация порождают наибольшее количество косвенных речевых актов, в которых первоначальная иллокуция транспонируется в результате действия на высказывание общих постулатов коммуникации.

Модальные глаголы *may*, *should* и *ought to* характеризуются специфическим значением, инкорпорированным в их семантику и имплицитрующим в н е ш н ю обусловленность действия. Это значение определяет особенности выражения предикативной М указанными глаголами. Во-первых, ослабляется роль агентивности субъекта (т.е. "внутренней" контролируемости ситуации). Во-вторых, даже в "сильных" контекстах они демонстрируют совмещение модальных значений.

Актуализирующим признаком предикативной М является контролируемость ситуации (Kc), т.е. ее детерминированность внутренними или внешними факторами, что предполагает наличие следующих контекстуальных условий:

1. Контролируемость предиката и агентивный характер субъекта, контролирующего реализацию ситуации:

She can move quite easily when she likes (Spark).

We must journey on until we find the road of yellow brick again (Baum).

В контексте местоимений второго лица реализация предикативной М связана с отсутствием признака Kc:

You must learn to be more polite with French ladies (Shaw).

2. Эксплицитная представленность внешнего детерминирующего фактора, обуславливающего реализацию P(X):

"Why then", said Godfrey, "do you consult him about the case?" "So that he shall not know / suspect him. He may then fall into a trap (Spark).

You ought to be glad for it provides you have a heart (Baum).

В некоторых случаях обусловленность события P(X), не получая эксплицитного выражения, может однозначно восстанавливаться из ситуации общения на основе определенных пресуппозиций, соответствующих данному модальному значению:

But your father must be a very special clock (Spark). =
= It is necessary that your father be a very special clock.

Содержание приведенного высказывания соответствует пресуппозиции предикативной необходимости - "невозможно не-Р", в то время как вероятность, т.е. более высокая степень возможности, имеет презумпцию "возможно не-Р".

3. Использование МГ в придаточных предложениях (в силу пропорционального статуса предикативной М), попадающих в сферу действия эксплицитной пропозициональной установки, а также - в придаточных причины и условия, которые обладают фактивностью в силу семантико-синтаксических особенностей:

I have a feeding this may make me late for my plane (Waller).

I say you must have an enemy (Spark).

4. Общереферентные высказывания (т.е. высказывания с неопределенным, референциальным статусом субъектного термина), в частности, пословицы, умозаключения и т.п., "отчужденные" от конкретного говорящего и отражающие характер объективных связей действительности:

A lover may sigh, but he must not puff (O. Henry).

You may know by a handful the whole sack (Ridout).

But surgeons, like everyone else, must live by the rules (Segal).

The bull must be taken by the horn (Ridout).

5. Контекст официального общения^I, предполагающий наличие объективно полной информации, в силу чего актуализируется пропозициональная установка "знание":

Chile may be divided into five regions, each of which has its special climate and products (S.A.P.).

Such risk may sometimes exist ... when approaching a very large vessel or a tow (IRPCS).

Операторы необходимости в данном контексте демонстрируют директивную направленность и употребляются в "инструктивных" разделах, что следует, вероятно, отметить как прагматическую особенность понятия необходимости.

Эпистемическая М. В основе эпистемической М лежит оценка говорящим полноты своих знаний относительно того, в какой мере пропозиция соответствует действительности.

В отличие от предикативной М, представленной двумя дискретными функционально-семантическими полями возможности и

^I В нашем материале примером высказываний с объективным статусом послужили тексты морских Лоций и Правил в той части, где они характеризуются описательной (констатирующей) коммуникативной установкой.

необходимости, эпистемические значения объединяются семантикой вероятности, имеющей континуальный характер. МГ как маркеры эпистемической оценки выражают градацию оттенков предположения, начиная с низкой (might, may) до высокой степени вероятности (must).

В семантическом толковании высказывания рассматриваемое значение МГ соответствует семантике пропозициональной установки "мнение-предположение", составляющей содержание внешней модальной рамки. На формальном уровне модальная рамка и пропозиция представлены в нерасчлененном виде, поэтому высказывание характеризуется асимметрией семантической и синтаксической структур.

Среди МГ, представленных на "шкале вероятности", эпистемически ориентированными (и, следовательно, контекстно более свободными) оказываются глаголы might, could и may.

В составе перфектно-инфинитивной конструкции операторы might и could, в отличие от may, не выражают предположения, а, легко ассоциируясь с планом прошедшего времени, реализуют семантику предикативной М:

You could have asked me on the train (Drabble).

You might have opened the door for me (Spark).

Косвенные значения - упрёка, порицания или сомнения, удивления (последние характерны для глаголов can и could в вопросительных и отрицательных высказываниях) являются следствием действия коммуникативных импликатур.

Глаголы should и ought to даже в "сильном" контексте идентификации эпистемических значений (а именно, при обозначении неконтролируемых ситуаций) в силу специфической иллокутивной силы, инкорпорированной в их семантику, выражают оттенки необходимости, вызванной внешними факторами, т.е. их значение смещено в сторону предикативной или волеизъявительной М:

It ought to be lovely in October (Hemingway).

You ought to know, Lettie, that men of that age and type can't bear the sight of old people (Spark).

В сочетании с перфектной формой инфинитива МГ should и ought to означают референцию к прошлому и характеризуют дей-

стве как должное, надлежащее, но не имевшее места в действительности, а возникающий косвенный смысл выводится адресатом по правилам имплицатур.

I should've married you the day you first proposed (Segal).

Really, Dinah ought to have taught you better manners. You ought, Dinah, you know you ought (Carrol).

Семантика глаголов will и would в наибольшей степени грамматикализована и закреплена, в основном, за выражением (кроме футуральности) прогноза, предсказания (will) и нереальных воображаемых ситуаций (would).

"Master Philip", she said, "you'll say you are sorry" (Green).

"How's your daughter?" "It would take all night to tell you" (Shaw).

Наиболее контекстно обусловленным является значение высокой степени вероятности (инференциальности, или логического вывода), выражаемого с помощью неспециализированного в отношении источника каузации глагола must. Основным актуализирующим фактором указанного значения будет признак -Кс, т.е. неконтролируемость ситуации ввиду неагентивного характера субъекта ситуации, что связано, прежде всего, с особенностями семантики зависимого глагола:

She must cost him a pretty penny in dress (Galsworthy).

You must be out of mind. You must be crazy (Drabble).

You must love her very much (Segal).

Эпистемическое значение реализуется в контексте пассивной конструкции, когда ситуация исключает наличие агенса-исполнителя:

I was thinking, Mrs. Evans, perhaps it might be a good idea if I took you out to dinner. You must be left alone a lot (Drabble).

К формально-грамматическим признакам эпистемического контекста относятся: сочетание с длительной и перфектной формой инфинитива, отсутствие форм прошедшего времени, несовместимость отрицательных форм МГ с данным значением (за исключением эпистемически ориентированного оператора may),

несовместимость с вопросом. Эпистемические значения появляются в вопросительных и отрицательных высказываниях как следствие прагматического транспонирования языковых выражений с МГ в предикативном значении.

Волеизъявительная М. Волеизъявительные значения МГ реализуются в директивных РА, где иллокутивным намерением говорящего является изменение положения дел в мире с помощью адресата иллокуции (субъекта-исполнителя), не обязательно совпадающего с адресатом высказывания.

В составе директивных высказываний МГ используются перформативно, т.е. обозначают определенное речевое действие говорящего, реализуя семантику фактивной (*must, should, ought to, will, shall*) и пермиссивной каузации (*may, can*).

Поскольку побудительная иллокуция (или коммуникативная рамка) не эксплицируется в поверхностной структуре, но должна быть представлена в семантическом толковании модального высказывания, отмечается неизоморфность его синтаксического и семантического планов.

Волевою установку говорящего мы обозначили термином коммуникативный контроль (Кк). Данный признак характеризует детерминированность ситуации волеизъявлением говорящего и выделяется при наличии показателей контекста, соответствующих презумциям РА побуждения: 1) неравноположенность ролевых статусов коммуникантов, а именно, вышестоящий статус говорящего по отношению к адресату иллокуции; 2) наличие в коммуникативной ситуации субъекта-исполнителя каузируемого действия; 3) контролируемость ситуации для исполнителя как условие уместности императива (признак +Кс). Очевидно, что наиболее благоприятным для реализации волеизъявительного значения является контекст второго лица подлежащего (что свидетельствует о совпадении участников речевого и прескриптивного планов), но не исключена возможность третьего лица (в позиции непредикатного аргумента МГ), называющего субъекта-исполнителя:

You may take the tea-things away (Spark).

I am the Guartian of the Gates, and... I must take you to his palace. But first you must put on the spectacles (Baum).

... he can play anything he pleases (Shaw).

Актуализация волеизъявительных значений МГ возможна в контексте неконтролируемых действий/состояний (в этом случае глагол открывает валентность на неагентивный субъект и обозначает, на первый взгляд, неконтролируемую ситуацию) за счет опущения контролирующего субъекта (исполнителя) в синтаксической структуре, что позволяет всю ситуацию трактовать как контролируемую:

This colour and it [the dress] must be simple, new length, not long, sleeves like this (Fowles). = I order/ask you to buy a dress of this style.

Побуждение в контексте неконтролируемых ситуаций может относиться к их имитации в результате целенаправленных действий: "It must rain tomorrow" в устах режиссёра может означать "I order you to arrange this scenary tomorrow".

Волеизъявительные значения реализуются в определенных типах контекстов с заданной директивной иллокуцией. К таким контекстам относятся инструкции, указания, правила и т.п. Субъект-исполнитель, как и прескриптор, здесь лишены референтной конкретности, тем не менее, ролевые статусы участников прескриптивного плана четко разграничены благодаря прагматическому типу контекста. В качестве примеров данных контекстов в нашем материале служат тексты оригинальных морских Лощей и Правил:

Anchorage. In fine weather a landing can be effected on any part of the coast... (S.A.P.)

Dangers. A stream, flowing in the south-western part of the bay, has formed a bank, which ... must be avoided (S.A.P.).

Directions. ... a good berth should be given to the mud bank (M.S.P.).

Существуют контекстуальные характеристики, не совместимые с волеизъявительной интерпретацией модальных глаголов. Побудительная иллокуция подавляется в ответах на вопрос, в случае эксплицитной валентности на условие реализации ситуации, при обозначении абстрактной ситуации, в контексте обстоятельственных слов, снимающих значение контролируемости ситуации.

Следует отметить, что директивные высказывания с МГ в неофициальном диалоге, ввиду особенностей закрытого межличностного общения (прежде всего, действия "принципа вежливости", что ведет к понижению приоритетности позиции говорящего и выравниванию ролевых статусов коммуникантов), имеют тенденцию к транспонированию, в первую очередь, в рамках директивов: от прескриптивов к реквестивам и суггестивам. Таким образом, волеизъявительные значения МГ оказываются наиболее чувствительными к прагматическим характеристикам контекста.

Снятие полисемии модального высказывания проходит, условно говоря, в два этапа. Первый – идентификация иллокутивной составляющей. При выявлении директивной иллокуции, которая возникает в случае детерминированности ситуации побуждением со стороны говорящего (признак +Кк), актуализируются волеизъявительные значения. Предикативная и, тем более, эпистемическая семантика (которая не пересекается с волеизъявительной М) с этим контекстом несовместимы.

Второй этап (при отсутствии семантико-прагматических условий реализации побуждения) – дифференциация предикативной и эпистемической модальности – требует конкретизации РА в рамках репрезентативов: а) как констатива, б) суппозитива. Противопоставление констативов и суппозитивов соотносится с оппозицией разных пропозициональных установок (ПУ) – "знания" и "мнения-предположения". Условием, актуализирующим ПУ "знание" и, следовательно, семантику предикативной М, является наличие ситуативного контроля (+Кс), детерминирующего фактическую возможность или необходимость связи "S → P". Отрицательное значение указанного признака (-Кс) приводит к недоверности знания, в результате пропозиция приобретает параметр вероятности, и реализуется эпистемическая М.

В заключение следует подчеркнуть, что выделяемые лингвистические типы М не являются дискретными, строго отграниченными друг от друга сущностями. Напротив, наиболее эксплицитных случаев актуализации конкретного вида М гораздо меньше, чем примеров пересечений и неопределенности, поскольку неоднозначность, взаимопереходность смыслов является неотъ-

емлемой чертой естественного языка как системы с неполной экспликацией смысла /Мартынов 1982; Sueur 1981/. Сказанное справедливо и в отношении разграничения трех основных значений в семантике модальных глаголов. Причем тенденция к совмещению значений, частично закреплённая в самой модальной лексеме, представляется нам исключительно важной, поскольку она связана с неэксплицитным выражением внешней модальной рамки.

Существуют "центральные" в содержательном отношении случаи, достаточно четко противопоставленные друг другу. В то же время имеется большое количество маргинальных случаев, обусловленных тремя основными факторами: 1) неоднозначностью логических концептов возможности и необходимости, составляющих основу категориальной семантики МГ; 2) спецификой значений конкретных модальных операторов; 3) особенностью контекстуальных условий, не позволяющих однозначно идентифицировать наличие/отсутствие признаков Кс и Кк.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил гипотезу об актуализирующем характере признака контролируемости (который понимается как детерминирующий фактор осуществления потенциальной ситуации, обозначаемой модальным высказыванием) в идентификации трех основных модальных значений – предикативного, эпистемического и волеизъявительного. Каждый из видов модальности предполагает свой способ детерминированности потенциальной ситуации посредством распределения каузирующих факторов, названных в терминах "контролируемости".

Для определения контекстуальных условий реализации видов модальности в высказываниях с модальными глаголами релевантно выделение двух разновидностей контроля, условно названных "коммуникативным контролем" (детерминированность потенциальной ситуации волеизъявлением говорящего) и "ситуативным контролем" (обусловленность ситуации свойствами объекта действительности либо объективными внешними факторами). При этом показатели контролируемости находятся в мотивированной взаимосвязи с актуализируемым модальным значением.

Анализ поведения модальных глаголов в исследуемых контекстах показал, что как конкретные значения модальных гла-

голов, так и их семантические инварианты коррелируют с признаком контролируемости. Спецификация модального оператора относительно источника каузации определяет особенности его функционирования при реализации каждого из трех видов модальности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Модификация семантики модальных глаголов в современном английском языке // Материалы научной конференции Минского ГПИИЯ по итогам научно-исследовательской работы за 1989 год. - Минск, 1990. - С.11-16.

2. Прагматический аспект семантики модальных глаголов // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. - Тез. докл. и выступлений на совещ. - М.: Ин-т язык-я, Воронеж. госун-т, 1991. - С.34.

3. Прагматический контекст и актуализация значений модальных глаголов // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. - Вып.1, Ч.2. - Материалы межведомств. научно-теоретич. конференции. - Харьков: ХИМЭСХ, 1991. - С.267-272.

4. Соотношение денотативной и сигнификативной семантики предложений с модальными глаголами в английском языке // Лингвистический знак как когнитивное и культурогенное образование. - Тез. докл. - Самарканд: Самарк. госун-т, Ин-т лингв. исслед., 1992. - С.21-23.

5. Соотношение понятий "модальность", "модальная рамка", "пропозиция" в лингвистике // Актуальные проблемы теории и практики обучения русскому и иностранным языкам. - Материалы 2 региональной науч. конф. Ч.2. - Краснодар: Кубан. госун-т, 1992. - С.189-190.

6. Противопоставление "ситуация vs факт" при актуализации предикативной и эпистемической модальности // Философия. Язык. Культура. - Минск, 1991. - в печати.